

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штранге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Франциска Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейнана	483
И. Е. Зислингер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Малик. Из исторических документов июньского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарбух. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало историко-булгарской историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
И. И. Замберфорд. Коммунистическое значение футуризма	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Волгин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Дюбуазиак. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1870 гг.	601
А. Э. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дюбер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Кольман. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эзлерг. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

Борис Георгиевич Вебер

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
XVIII в.

Либерально-буржуазные историки, вступившие в общественную жизнь после падения крепостного права, в 60-х и особенно в 70-х годах, отличались уже большей классовой и политической зрелостью своего либерализма от своих непосредственных предшественников — первых русских историков-либералов, представителей русского помещичье-буржуазного либерализма. Но до середины 90-х годов, а отчасти даже и до первой русской революции зрелость эта все еще оставалась весьма относительной и преувеличивать ее было бы неправильно.

Промежуточное, переходное положение между двумя поколениями либеральных историков — историками, созревшими еще до реформы, и историками, выдвинувшимися уже после нее, — занимал В. И. Герье. В Московском университете Герье застал еще Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева, но уже на закате их деятельности. Он считал себя учеником и преемником того и другого и относился к их памяти и традициям с исключительным пиэтетом, который нарочито и демонстративно культивировал вплоть до последнего — махрово-черносотенного — этапа своей жизни.

Несмотря на весь культ, которым Герье окружал память своих учителей, не следует переоценивать их реальное влияние на него в период формирования его мировоззрения передовых для своего времени профессоров избранной им исторической специальности, всеобщих историков Грановского и Кудрявцева.

По существу глубже и сильнее оказалось влияние на Герье одного из первых русских либералов, в более или менее точном смысле слова, крупнейшего русского историка из рядов господствующих классов С. М. Соловьева.

«Для меня не подлежит сомнению, что темы обеих диссертаций Герье были внушены ему Соловьевым», — отмечал впоследствии Н. И. Кареев, останавливаясь на характерной положительной особенности первых исследований своего учителя, на их связи с историей России и объясняя это влиянием на него Соловьева¹.

Забаллотированный после защиты докторской диссертации при избрании профессором Московского университета, Герье стал им тем не менее в 1870 г., но уже по назначению министерства.

В начале 70-х годов Герье — впервые в истории русских университетов — приступил к занятиям со студентами историей «старого порядка» и революции конца XVIII в. во Франции.

¹ Кареев. Памяти двух историков. *Анналы*, т. I, 1922, стр. 156—157. — Магистерская диссертация Герье «Борьба за польский престол в 1733 г.» (1862). Его докторская диссертация «Лейбниц и его век» (1869). К ней примыкала книга Герье «Отношение Лейбница к России и Петру Великому» (1871).

Еще задолго до этого в России была уже налицо сильная, своеобразная, яркая традиция общей постановки проблемы этой революции, общего подхода к ней и ее оценке, — традиция, образовавшаяся в процессе развития русской общественной мысли.

Из исторического опыта классово-борьбы вообще, французской буржуазной революции в частности, русские революционные демократы во главе с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым делали тот одновременно и исторический и политический вывод, что крестьянский вопрос и весь связанный с ним комплекс социальных и политических противоречий феодально-абсолютистского строя был так или иначе разрешен в XVIII в. во Франции, а следовательно, может и должен быть разрешен и в России лишь самим народом, на путях революции снизу. И грядущая русская революция должна сделать не только то, что сделала французская революция, но и то, чего она недоделала.

Этот вывод либералы первого поколения во главе с Соловьевым самым решительным образом отвергали. И здесь проходил основной водораздел между двумя главными направлениями русской общественной мысли — между революционно-демократическим и либерально-монархическим лагерями.

Либералы всячески ограничивали идею исторической закономерности, а тем более неизбежности революции снизу, народной революции. Наиболее правые из них, типа Б. Н. Чичерина, склонны были уже и тогда отрицать ее вовсе — заодно с представителями открытой реакции, которые всеми силами стремились низвести разразившуюся во Франции в XVIII в. революцию, вместе со всеми другими революциями в истории человечества, до уровня «слепой случайности».

Искусственно противопоставляя французскому пути революций «снизу» свойственный якобы России путь «революций» сверху, первые русские историки-либералы разрабатывали конкретно в плане этого противопоставления в сущности лишь вторую часть своей антитезы — историю России. Истории Франции, и, в частности, истории ее буржуазной революции XVIII в. они касались только в самой общей, самой неопределенной форме — гораздо менее конкретно и уж во всяком случае менее определенно, чем революционные демократы. В силу собственного отрицательного отношения к революции они лояльно подчинялись требованиям правительства, наложившего запрет даже на самое слово «революция».

Но ни из истории, ни из сознания передовых кругов русского народа вычеркнуть революцию было уже невозможно.

Тот факт, что сторонники «охранительных начал» всячески замалчивали страшный для них опыт Франции, уроки ее славного революционного прошлого, а люди «либерального образа мыслей» старались по возможности обходить эту и для них почти столь же щекотливую тему, поставил в конце концов в затруднительное положение как правительство, так и либералов.

В решающей в то время области идейно-политической борьбы это создавало своеобразное преимущество революционным демократам. Они во главе с Чернышевским умели проводить, как подчеркивал В. И. Ленин, даже «...через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹. И делали они это далеко не в последнюю очередь на примере французской буржуазной революции конца XVIII в.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

Предписанное правительством воздержание официальных, казенных историков и историков-либералов от конкретного освещения революционных тем, противопоставленное исключительно смелой и глубокой общей постановке этих вопросов революционными демократами, лишь еще более способствовало вызывавшемуся всеми условиями русской действительности широкому распространению в передовых кругах того, что реакционеры называли «культом революции», а либералы — «догматической верой в революцию».

Либералы, а в конце концов и правительство не могли не учесть этого.

В качестве лектора, инициатора практических занятий в университете и автора этюдов и книг по истории и историографии революции Герье первым из русских либералов начал конкретную разработку той стороны характерного для тогдашнего русского либерализма противопоставления неревolutionного якобы пути России революционному пути Франции, которая до него была лишь намечена в своих общих контурах — главным образом Соловьевым, но никем из либералов в этом разрезе фактически еще не освещалась.

Этим в основном и определяется место Герье в развитии русской либеральной историографии, — Герье, прошедшего длинный путь от «просветительских» настроений в духе Грановского и отчасти Кудрявцева до откровенного черносотенства в стиле смехотворного своей явной нелепостью уподобления кадетов якобинцам.

Продолжая традицию Соловьева и распространяя ее на конкретную историю Франции предреволюционного и революционного периода, Герье делал это, однако, на значительно более низком, чем у Соловьева, идейно-теоретическом уровне.

Только после фактического крушения надежд, которые Соловьев возлагал на реформу, расчетов, которые он связывал с ней, только к концу жизни знаменитого русского историка у него послышались — и то лишь в интимных высказываниях — нотки разочарования в тех принципах исторической закономерности в их либеральном толковании, из которых Соловьев исходил во всей своей научной работе.

С того, чем кончал Соловьев, Герье начинал свои занятия французской революцией. В этом смысле несомненно, что Герье строил конкретную разработку истории французской революции на значительно более низком идейно-теоретическом уровне, чем та общая постановка проблемы революции в истории Франции, какую она получала в концепции Соловьева. В то время как Соловьев, исходя из признания исторической закономерности, подходил соответствующим образом и к французской революции, Герье, рано уже обнаруживший склонность отрицать историческую закономерность вообще, относил это во все возрастающей со временем степени именно к революции.

Ученики Герье, в отличие от своего учителя, сложились как историки уже целиком в пореформенную эпоху. В своем развитии они отражали последовательные этапы превращения русского помещичье-буржуазного либерализма в либерализм буржуазно-помещичий. Это происходило на фоне бурного, но очень неравномерного процесса развития русского капитализма по прусскому пути, резкого углубления всех старых и новых социальных и политических противоречий и дальнейшего обострения классовой борьбы в России, шедшей во второй половине XIX в. на встречу своей буржуазно-демократической революции.

Наиболее показателен в политическом отношении путь старшего из крупных учеников Герье — Н. И. Кареева, избравшего, вслед за учителем,

своей основной научной специальностью французскую буржуазную революцию конца XVIII в.

Кареев происходил из небогатой дворянской семьи, доходы которой после реформы еще более сократились.

К гимназическим годам Кареева относится первое его знакомство с произведениями Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и особенно Д. И. Писарева, ставшего, по его словам, подлинным властителем его дум.

В весьма неопределенном радикально-демократическом настроении с легким налетом юношеского революционного романтизма окончил Кареев в 1869 г. гимназию и поступил в университет.

К этому времени Кареев был уже постоянным читателем «Отечественных записок», которые оказали, по собственной оценке будущего историка-либерала, большое влияние на его общественное мировоззрение.

Элементы нового, передового, демократического — по своему происхождению — подхода к современности, социологии и истории, которые остались не совсем чуждыми Карееву в юности, оказались в дальнейшем подчиненными общей системе его антиреволюционных и антидемократических в целом взглядов либерала, позитивиста, неокантианца. Тем не менее именно им обязан этот крупный русский буржуазный историк второй половины XIX — начала XX в. всем тем наиболее ценным, что было в его работах.

Это относится прежде всего и главным образом к самой ранней и лучшей из книг Кареева — к его помеченной 1879 г. (фактически она вышла еще в 1878 г.) магистерской диссертации «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века».

Значение книги Кареева в истории русской общественной мысли и русской исторической науки определяется прежде всего тем, что это была первая в России большая оригинальная конкретно-историческая работа по французской буржуазной революции конца XVIII столетия. Вместе с тем это был труд, впервые закладывавший конкретно-исторический фундамент научного изучения еще очень слабо освещенного тогда крестьянского вопроса в этой революции.

Сам Кареев указывал впоследствии на то, что «крестьянский вопрос в семидесятих годах в сознании русского общества был центральным социальным вопросом» и что «этим обстоятельством» и был обусловлен выбор им его темы¹.

Исходным пунктом занятий Кареева крестьянским вопросом в период революции послужил его семинарский доклад об известном «Путешествии по Франции» Артура Юнга, написанный под руководством Герье.

Влияние Герье наложило свой отпечаток даже и на магистерскую диссертацию Кареева, законченную в тот период, когда его расхождение с бывшим его учителем оказались особенно велики и когда, по выражению Кареева, между ними «пробежала самая большая черная кошка»².

Это сказалось в том, что постановка Кареевым проблемы крестьянства во французской буржуазной революции, — проблемы, подсказанной ему демократическими и революционными тенденциями русской жизни, — осталась все же в конечном счете в русле русской либеральной традиции общего подхода к этой революции — той антидемократической и антиреволюционной в основе своей традиции, к конкретной разработке которой приступил в России Герье.

Нашедшая здесь свое выражение двойственность и противоречивость книги Кареева вытекала из двойственности и противоречивости его исход-

¹ Кареев. Памяти двух историков. *Анналы*, т. I, стр. 167.

² Там же, стр. 163.

ной политической и научной эволюции и занятой им уже к концу 70-х годов позиции типичного либерала, но либерала новой формации, существенно отличавшегося от либералов старшего поколения, к которым примыкал и Герье.

К 1877—1878 гг., когда Кареев работал в Париже над своей книгой, у него уже не осталось, по его признанию, ни того, что он называл впоследствии «догматической верой в революцию», «ни боевого настроения, а то, что было романтически-революционного в раннем мечтательстве, уступило место политическому скептицизму»¹.

Пищу для такого скептицизма, который В. И. Ленин квалифицировал как «форму перехода от демократии к либерализму...»², Кареев нашел, по его утверждениям, «и в нечаевском процессе, и в том, что в наших газетах писалось о Парижской Коммуне, и в более близком знакомстве с якобинизмом»³.

Нельзя не отметить, что показание это относится к тому времени, когда Кареев регулярно общался в Париже с П. Л. Лавровым, которым очень интересовался, но лишь как автором многих нравившихся ему работ, начиная с «Исторических писем». В Лаврове Кареев видел прежде всего человека, «созданного для мирной ученой работы и для преподавательства», принужденного «идти по той дороге, на которую вступил, только после того, как у него была отнята возможность чисто легальной работы» и рекомендовавшего ему, Карееву, «ради сохранения себя для науки быть «мудрым, как змий»»⁴.

Ко времени окончания диссертации Кареев сошелся в «ученом мире» теснее всего с тогдашней академической молодежью, центром которой сделался в конце 70-х годов его сверстник, также еще лишь начинавший тогда свою научную и политическую деятельность М. М. Ковалевский.

«Мои новые знакомые, составившие сплоченную компанию, были юристы или экономисты, что соответствовало моему новому научному интересу к социальной истории, развившемуся на тему о французском крестьянстве,— сообщает в своих неопубликованных воспоминаниях Кареев.— Политическое их направление, более либеральное, чем у старой профессуры,— конституционализм, дополненный социальным реформаторством,— более соответствовало и моему общественному настроению и моим политическим идеям, не бывшим, впрочем, особенно отчетливыми»⁵.

Этот «конституционализм» молодых либералов конца 70-х годов, «дополненный социальным реформаторством», представлял собой новую фазу в развитии русского либерализма, старшие представители которого, либералы типа К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. И. Герье, были фактически сторонниками ранней либеральной утопии «просвещенного абсолютизма», весьма сдержанно относились к «представительным учреждениям» и открыто выступали против того, что изображали «безумными проявлениями социализма».

«Конституционализм» нового поколения русских либералов, пришедший на смену разбитым жизнью политическим иллюзиям их наиболее видных и влиятельных предшественников и являвшийся такой же либеральной утопией «детей», как и просвещенный абсолютизм «отцов», служил косвенным, но неоспоримым свидетельством дальнейшего роста и

¹ Неопубликованные воспоминания Кареева (хранятся в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

³ Неопубликованные воспоминания Кареева.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

усиления демократического и революционного движения в России, толкавшего в 70-х годах либеральную молодежь влево.

О том же свидетельствовало и «социальное реформаторство» молодых русских либералов 70-х годов, которому свойственно было первоначально известное своеобразие по сравнению с современным ему западноевропейским «катедер-социализмом».

В отличие от западноевропейских стран, Россия не прошла еще тогда через свою буржуазную революцию, не устранила еще со своего пути тормозивших ее развитие пережитков крепостничества, далеко еще не разрешила стоявших перед ней задач своего буржуазного преобразования. Соответственно этому русский либерализм в целом и, в частности, его левое крыло, выступавшее под флагом «социального реформаторства», не достигли еще при всей своей ярко выраженной с 60-х годов антиреволюционности до прямой контрреволюционности тогдашнего зарубежного либерализма — либерализма закончившейся на Западе к 70-м годам эпохи буржуазных революций.

В этих условиях «социальное реформаторство» молодых русских либералов носило еще частично прогрессивный, антикрепостнический характер и сохраняло последние остатки еще не окончательно утраченных к тому времени традиций и «переживаний» «просветительства».

С теми особенностями русских либералов 70-х годов, которыми они отличались до поры до времени от современных им западноевропейских либералов, связано было и их отношение к Марксу и марксизму. Отношение это заметно отличалось первоначально от открыто враждебного отношения к основоположникам научного коммунизма тогдашних представителей западноевропейского либерализма, — либерализма, завершившего уже в основном цикл своего реакционного перерождения.

С особенностями этими связаны были и те оценки, которые давали Маркс и Энгельс отдельным работам и выступлениям интересующей нас здесь и тогда еще относительно прогрессивной части русских либералов.

С этим связан и тот непосредственно к диссертации Кареева относящийся факт, что, наряду со ссылкой без упоминания автора на «Очерки из политической экономии (по Миллю)» Чернышевского, имя которого запрещено было называть в печати, и на его статью по поводу книги Муравьева «Тюрго, его ученая и административная деятельность»¹, Кареев поместил в предпосланном тексту «библиографическом указателе» русский перевод «Капитала» и неоднократно на него ссылался².

«Сочинение г. Кареева превосходно (excellent)», — писал в своем отзыве на его книгу Маркс³. «...лучшая работа о крестьянах — Кареева — написано по-русски», — констатировал десятилетиями позднее и Энгельс в своем известном письме Каутскому от 20 февраля 1889 г.⁴

Значительно более конкретная, чем у либералов старшего поколения, критика Кареевым социальных основ феодализма, вытекавшая из особенностей русского «социального реформаторства», из еще преобладавших в нем первоначально, в 70-х годах, антикрепостнических, прогрессивных «просветительских» черт, привела к тому, что в диссертации своего бывшего ученика Герье «усмотрел несимпатичный ему дух»⁵.

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. 1879, стр. 5 и примечание 21 к стр. 297.

² Там же, стр. XV, примечание 13 к стр. 162, примечание 21 к стр. 103, примечание 30 к стр. 166, примечание 3 к стр. 232.

³ Переписка Маркса и Энгельса с русскими политическими деятелями. 2-е изд. 1951, стр. 232—233.

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 407.

⁵ Кареев. Памяти двух историков. *Анналы*, т. I, стр. 163

Защита диссертации Кареева — первой в России диссертации, посвященной революции и рассматривавшей революцию в ее самом остром в русских условиях аспекте — в аспекте крестьянского вопроса, — состоялась весной 1879 г., в разгар демократического натиска, на гребне нарастающей волны революционного прибойя.

Общая политическая атмосфера страны, вступавшей в свою вторую революционную ситуацию, и ее слабый, но симптоматичный отголосок — напряженная обстановка диспута по диссертации — привели к резкому ухудшению отношений между Герье и Кареевым, фактически — к разрыву, оказавшемуся, впрочем, недолговечным.

Уже ко времени защиты Кареевым в 1884 г. докторской диссертации отношения его с Герье были восстановлены. И отнюдь, конечно, не случайно. Как только демократический подъем сменился открытой реакцией, быстро сказалась возросшая либеральная ограниченность Кареева; присутствующая ему и раньше антиреволюционность, сближавшая его с Герье, решительно возобладала над разделявшими их демократическими элементами эклектического с самого же начала политического и научного мировоззрения Кареева. Этим в основном объясняются и сильные, и слабые стороны Кареева.

Самой сильной стороной книги Кареева являлось то, что она была фактически направлена против такого столпа французской либеральной историографии второй половины XIX в., как Токвиль, и его реакционного подхода к крестьянскому вопросу в период революции.

В соответствии со своим общим стремлением снизить елико возможно значение революции в истории Франции Токвиль выступил еще в 1836 г. в одном из либеральных английских журналов¹ с априорным и явно тенденциозным тезисом, будто уже до революции французские крестьяне были в своей массе земельными собственниками.

Тот же тезис Токвиль повторил двадцатью годами позже и в своем главном труде «Старый порядок и революция», предназначенном уже для французской публики. Положив его вторично в основу своего развенчания революции, он и на этот раз довольствовался догматическим по сути дела провозглашением своей тенденциозной точки зрения.

В 1836 г. Токвиль предпочитал еще развивать подобные мысли не во Франции, а за ее пределами. К 1856 г. положение изменилось настолько, что аристократический в основе своей подход Токвиля к революции вообще и ее основному вопросу — вопросу крестьянскому — пришелся уже как нельзя более по вкусу пережившей 1848 г. французской контрреволюционной либеральной буржуазии. Без конкретной его разработки, в столь же голословной, как у Токвиля, но более упрощенной и сильно вульгаризованной форме тезис Токвиля о мелкой крестьянской поземельной собственности как типичном явлении дореволюционной французской деревни, о крестьянине, который уже якобы при «старом порядке» «совершенно освободился от управления своего господина»², принят был на вооружение учеными приказчиками не только помещиков, но и буржуазии.

Тезис этот, с помощью которого Токвиль искусно затушевывал, а его более примитивные последователи грубо и аляповато замазывали лежавшие в основе революции глубокие классовые противоречия между

¹ London and Westminster Review. На французском языке незаконченная статья эта под названием «Etat social et politique de la France avant et après 1789» была помещена в посмертном полном собрании сочинений Токвиля (Tocqueville. Oeuvres complètes, t. VIII, 1865).

² А. Токвиль. Старый порядок и революция. Перевод под ред. проф. П. Г. Виноградова. М., 1896, стр. 46.

феодално зависимыми крестьянами и их феодалными сеньорами, стал во второй половине XIX в. одной из господствующих догм сначала французской, а затем и всей западноевропейской буржуазной историографии вообще.

Против этой распространившейся во Франции после 1848 г. догмы, самым крупным пропагандистом которой был Токвиль, на пороге второй революционной ситуации и выступил в России Кареев.

Характерно, что произошло это через двадцать лет после того, как в России же на начальном этапе первой революционной ситуации Чернышевский уже вскрыл реакционную, апологетическую суть догмы Токвиля и других французских историков того же направления на очень резко выраженном и потому особенно убедительном примере одного из вульгарнейших ее защитников — Дареста¹.

«Я предпринял эту работу особенно в виду утверждения некоторых писателей, будто бы феодальный порядок перед 1789 г. находился в упадке, будто бы установленные им повинности были более номинальные, чем действительные, будто бы, наконец, уничтожение феодального режима *могло совершиться само собою* (курсив мой.— Б. В.), так сказать, незаметно,— писал Кареев, заключая свое рассмотрение феодальных отношений в XVIII в.— Это положительно неверно: ...в те годы, о которых идет главным образом речь в моем исследовании, я не заметил признаков, предвещавших скорое исчезновение феодальных отношений. Напротив даже: в 70-х и в 80-х годах прошлого столетия, как и в предшествующие десятилетия, сеньоры не только не выпускали из рук старых феодальных прав, но еще устанавливали новые»².

Этот основной вывод первой главы монографии Кареева — главы о «сеньорах и крестьянах», а фактически — и всей книги — прямо и резко противостоит исходному положению Токвиля, гласившему: «революция мгновенно, судорожным и болезненным усилием, без постепенных переходов, без предосторожностей и без пощады положила конец тому, что позднее мало-помалу *окончилось бы само собою*»³ (курсив мой.— Б. В.).

В основе рассмотрения Кареевым аграрных отношений Франции в том их виде, как они сложились в XVIII в., лежала верная и глубокая мысль, что складывались они в ожесточенной борьбе крепостного крестьянства средних веков против своих феодальных сеньоров и что без понимания основных моментов этой борьбы «невозможно понимание сущности отношений французского крестьянства в XVIII веке к потомкам тех, которые были некогда его полными господами»⁴.

Историков французского крестьянства Кареев обвинял в том, что, рассматривая процесс освобождения крепостных, они в основном ограничивались одной лишь юридической историей, главный вопрос которой — «как освобождалась и получала гражданские права личность, находившаяся прежде в крепостной зависимости». Вся суть дела заключалась для них «в постепенном переходе от бесправности к правоспособности», в чем Кареев видел результат их «юридического направления», не вдаваясь в более глубокое объяснение подобной, отнюдь, конечно, не случайной односторонности⁵.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, 1950, стр. 664—666.

² Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 85.

³ Токвиль. Старый порядок и революция, стр. 37.

⁴ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 14; ср. также стр. 94, 97.

⁵ Там же, стр. 15.

Другой стороной того же процесса, главным для нее вопросом — «что случилось с землей освобожденного человека», историки, «к сожалению», по справедливому упреку Кареева, почти совсем пренебрегали, и для аграрно-экономической истории Франции труды их были в его глазах «совершенно недостаточны»¹.

«Историки, которые изображали состояние французских крестьян перед падением *старого порядка*, обыкновенно обращали все свое внимание на два явления: крестьянин в XVIII веке уже не серв, а свободный человек, — это светлая сторона картины; крестьянин задавлен тяжестью государственных и иных повинностей, — это мрачная сторона», — констатировал Кареев в заключении к своей книге, говоря уже не об историках французского крестьянства вообще, а об историках французского крестьянства XVIII в.² и имея в виду прежде всего и главным образом все того же Токвиля и его, выражаясь условно, «школу».

Токвилевской точке зрения Кареев противопоставлял свою.

Кареев подчеркивал, что если крестьяне в своей массе и были «свободны от юридической власти сеньоров»³, то между ними и сеньорами «продолжали существовать разнообразие отношения экономические *по земле*, которой владели или пользовались крестьяне»⁴.

Кареев указывал далее, что «кроме государства, долго смотревшего на народ только как на податную массу, крестьянам приходилось иметь дело еще с разными *общественными классами*, на которые делилась тогдашняя Франция»⁵.

«Главной своей задачей я и поставил рассмотрение этих *аграрных и социальных* отношений, определяющих положение крестьян как *земельческого сословия*. Такова моя точка зрения», — заявлял Кареев⁶.

С этой точки зрения Кареев и рассматривал историю крестьянского вопроса накануне и в период революции, видя «всю суть» его «в отношениях аграрно-социальных» и делая отсюда тот вывод, что «как постановка его, так и способ решения обуславливались, с одной стороны, принципами, лежавшими в основе тогдашнего *поземельного устройства*, а с другой, потребностями, интересами и стремлениями отдельных *общественных классов*»⁷.

Основным «принципом» старого поземельного устройства дореволюционной Франции Кареев считал «несвободу земли, выраженную в юридическом правиле *nulle terre sans seigneur*» (нет земли без сеньора)⁸.

Сущность истории французского крестьянства заключалась, по Карееву, в том, что рядом с уничтожением крепостничества и ослаблением государственной власти сеньоров происходило «закрепление сеньориальных прав на землю»⁹. И если, с одной стороны, «крепостничество» в форме «серважа» стало уже в глазах Кареева большим или меньшим «анахронизмом, исключением из общего правила»¹⁰, то, с другой стороны, «исключо-

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 15.

² Там же, стр. 479—480.

³ Т. е. крепостного права.

⁴ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 406.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 180.

⁹ Там же, стр. 26.

¹⁰ Там же, стр. 17.

чением» была, по его мнению, и свободная, или так называемая «алодьяльная», собственность¹. «Общим правилом было существование несвободной собственности, а в некоторых областях алод не признавался даже тогда, когда бы владелец его имел документы, показывающие алодьяльность его земли»².

В этом смысле в положении «нет земли без сеньора» и «видели как бы общее право Франции»³.

Называя господствовавшую в дореволюционной Франции феодальную форму крестьянского землепользования «собственностью», хотя и «несвободной» и «неполной», Кареев был неправ, и его же материал ему в этом отношении явно не подчинялся. Но в целом Кареев учитывал отличный от буржуазной собственности, специфически феодальный характер земельной собственности изучаемого им времени в значительно большей степени, чем Токвиль и пошедшая по его стопам подавляющая часть буржуазных историков.

В своем понимании «несвободной» или «неполной собственности» французского крестьянина XVIII в. Кареев ближе других буржуазных ученых своего времени подходил к тому, что составляет, по гениальному указанию Маркса, «...самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя...»⁴.

Подчеркивая зависимый характер подобной «собственности» и ее обремененность повинностями, Кареев фактически доказывал — хотел он этого или нет, — что реально собственностью была не она, а тяготевшая над ней, над владением крестьянина, над его наделом сеньориально-феодальная собственность, представлявшая собой ту, говоря словами Маркса, специфическую экономическую форму, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывался из непосредственных производителей.

Сохраняя токвилевскую терминологию, но придавая ей иной, чем у Токвиля, смысл, Кареев приходил к очень смелому для буржуазного ученого заключению, рассматривая то, что он называл «разными формами одного и того же института неполной собственности».

В противовес крайнему юридическому формализму большинства буржуазных историков крестьянства, Кареев уделял основное внимание не правовому ярлыку, а действительному экономическому содержанию взаимоотношений между крестьянином и помещиком, делая упор на то, что «в сущности не только цензива и вечная аренда представляли одно и то же», но «обе не отличались еще по существу» от тех «рабских видов землевладения», под которыми Кареев подразумевал в данном случае «остатки серважа», «крепостничества». «Сущность дела одна, — повторял Кареев, — потому что наследственный владелец земли обязан платить ренту сеньору и более или менее ограничен в своем праве собственности»⁵.

Соответственно этому Кареев и изображал опутывавшие французскую деревню XVIII в. феодально-крепостнические узы, тяжким бременем лежавший на плечах крестьян феодальный гнет.

Этим дело, однако, не ограничивалось, так как помимо феодальной эксплуатации со стороны сеньора французский крестьянин подвергался в XVIII в. эксплуатации и со стороны буржуазии города и деревни.

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 30.

² Там же, стр. 30—31.

³ Там же, стр. 31.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804.

⁵ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 35.

Заслуга Кареева в том, что он был по существу первым историком, показавшим конкретные формы двойного гнета, тяготевшего над широкими массами сельского населения Франции.

Этому посвящена вторая глава книги Кареева — «Буржуазия и крестьянство». Основное ее достоинство — опровержение прочно укоренившейся во французской буржуазной историографии легенды, будто «третье сословие» представляло собой «однородную массу, имевшую один интерес, не знавшую среди себя радикального разделения»¹.

Кареев доказывал — вопреки одной из краеугольных догм французской либеральной историографии, — что «3 сословие не было однородной массой во все время существования этого термина, оно не было ею в сознании большинства французов XVIII века, оно и не могло быть ею, благодаря коренным разделениям в нем самом»².

Это ценное наблюдение, эту плодотворную мысль особо отмечал Энгельс в назидание Каутскому в своем упомянутом нами выше отзыве на книгу Кареева³.

Первое различие в рядах третьего сословия обуславливалось, по Карееву, «более привилегированным положением города сравнительно с деревней, вследствие чего между горожанами и поселянами существовало глубокое неравенство».

Второе различие Кареев видел в том, что «и в городе, и в деревне существовал своего рода привилегированный класс — буржуазия», «главная сила» которой «была в капитале». Не пользуясь всеми привилегиями дворянства и буржуазия владела тем не менее «значительной, — по его мнению, — частью земельной собственности, приходившейся на долю третьего сословия, имела чрез покупку в своих руках многие феодальные права и достигала иногда разных изъятий от налогов»⁴.

Кареев останавливался, в частности, на широко распространенной в дореволюционной Франции системе взятия на откуп феодальных прав буржуазией. Это, — с редкой для либерального историка смелостью мысли подчеркивал он, — «конечно, связывало буржуа с сеньорами и делало интересы их солидарными»⁵.

Характеризуя в другой связи таких откупщиков феодальных прав из рядов буржуазии, Кареев добавлял, что появление их «было настоящим бичом для деревень» и что «их справедливо сравнивали с хищными зверями»⁶.

Не меньшее значение имел для своего времени вывод Кареева, что «встречаемое у всех почти историков представление о французском крестьянстве, как об однородной массе, ошибочно», что на самом деле уже до революции «крестьянское население не представляло однородной массы» и делилось по крайней мере на два, «хотя и не резко разграниченных между собою», класса, «интересы которых по многим вопросам могли расходиться»⁷.

Это были, с одной стороны, «крестьяне-собственники и крестьяне, имевшие только усадебную оседлость, самостоятельные хозяева на

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 91.

² Там же, стр. 92; ср. стр. 94, 185, 327 и др.

³ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 409—410.

⁴ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 185.

⁵ Там же, стр. 102.

⁶ Там же, стр. 122.

⁷ Там же, стр. 105, 481.

своих или снятых землях» (так называемые «laboureurs» — «пахари»), а, с другой стороны, — «батраки, жившие поденной работой или нанимавшиеся в услужение (так называемые «шапоеувriers»)»¹.

В результате «все более и более резкого разделения крестьян на два класса» один из них «становился рядом с сельской буржуазией, другой сливался с нищими»².

В этой связи Кареев рассматривал проблему — «все ли крестьяне имели земельную собственность», хотя бы в том смысле слова, в каком он считал возможным говорить о «неполной» и «несвободной собственности» применительно к дореволюционному периоду.

Вступая уже в прямую полемику с Токвилем, Кареев настаивал на необходимости «сильно ограничить» господствовавшее со времен Токвиля «убеждение» в широком распространении уже при «старом порядке» мелкой поземельной «собственности», — «убеждение», которое Кареев расценивал как «результат если не путаницы понятий, то некоторого недоразумения»³.

Общий вывод Кареева шел вразрез с утверждением Токвиля, «будто освобождение крестьян от крепостной зависимости сопровождалось приобретением собственности»⁴.

Кареев сознательно и открыто противопоставлял Токвилю свою точку зрения, явно подсказанную ему пореформенным развитием русской деревни.

Точка зрения Кареева сводилась к тому, что «освобождение серва было прекращением не только господской власти над ним, но и прежних его самого отношений к земле». А потому «освобождение из уз крепостничества стало сопровождаться откреплением крестьян от земли и закреплением ее за немногими. И соответственно там, «где раньше и быстрее произошло исчезновение крепостных отношений, там быстрее и полнее совершилась экспроприация массы»⁵.

Такова была история крестьянства в Англии.

В том же направлении, хотя и медленнее, развивалась, по мнению Кареева, и Франция. И здесь в местностях с сохранившимися остатками крепостного права сохранились и «более тесные отношения между землей и пахарем» и «не утратило своего значения понятие о наделе». Напротив, в так называемых «странах свободы (les franchises)», «а из них-то главным образом и состояла Франция перед 1789 г., связь пахаря с землей и понятие о наделе уже потеряли прежнюю силу»⁶.

Во Франции «процесс обезземеления продолжался и в XVIII веке до самой революции», и революции «пришлось, с одной стороны, освободить последних сервов, а с другой, положить конец обезземелению массы»⁷.

«Если бы, говорили вскоре после 1789 г., революция замедлила полувеком, вся поземельная собственность сосредоточилась бы в немногих руках», — такой представлялась Карееву общая тенденция аграрного развития Франции до 1789 г., нашедшая свое отражение в этой, данной современниками, формуле⁸.

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 104, 186.

² Там же, стр. 143.

³ Там же, стр. 105—109.

⁴ Там же, стр. 114—115.

⁵ Там же, стр. 115.

⁶ Там же, стр. 116.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 117.

«Таким образом,— обобщал все это Кареев,— история, которая с формально-юридической точки зрения является прогрессом свободы и приобретения крестьянами собственности, с точки зрения социально-экономической получает несколько иной смысл»¹.

Подобное понимание Кареевым аграрного развития Франции дореволюционной эпохи и занятая им полемическая позиция по отношению к западноевропейской и, в частности, французской буржуазной историографии второй половины XIX в. очень знаменательны.

Это показывает, что в условиях России конца 70-х годов с ее тормозящими развитие страны остатками и пережитками крепостничества и лишь начинавшими выступать в обнаженном виде противоречиями между пролетариатом и буржуазией либеральные историки нового типа — типа Кареева — оказались уже вынужденными и были еще в состоянии значительно шире и глубже своих западноевропейских коллег освещать процесс так называемого первоначального накопления, классический анализ которого был уже к тому времени дан Марксом.

«Исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения, и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков», — писал Маркс в знаменитой двадцать четвертой главе первого тома «Капитала».

С неотразимой силой и убедительностью Маркс показал здесь, что еще гораздо важнее другая сторона этого процесса, которую обходили буржуазные историки молчанием, — тот факт, что «...освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями»².

В отличие от западноевропейских буржуазных историков, которых имел в виду Маркс, Кареев, изучая французское крестьянство XVIII в., не ограничивался одной лишь казовой стороной мучительного для масс процесса первоначального накопления, процесса перехода от феодальных, крепостнических производственных отношений к производственным отношениям буржуазным, капиталистическим, — перехода, получившего свое завершение в революции.

Под определявшим все его развитие воздействием русской обстановки Кареев, тщательно, повидимому, изучавший соответствующие разделы первого тома «Капитала», уделял основное внимание экспроприации непосредственных производителей в тех ее своеобразных формах, в каких она протекала во Франции XVIII в., в предшествовавшие буржуазной революции десятилетия.

В основе такого подхода Кареева к этой проблеме лежали, с одной стороны, еще сильные у него в то время антикрепостнические настроения раннего этапа его развития, еще не окончательно порванная им связь с демократической исторической традицией русского народа.

В этом слышались, с другой стороны, и те мимолетные, неустойчивые и непоследовательные антибуржуазные, точнее — антикапиталистические, нотки, которые свойственны были в той или иной мере большинству либеральных историков из дворянской, помещичьей среды.

Соответственно Кареев подчеркивал, что обезземеление крестьянства, экспроприация массы совершалась как во имя «старого принципа — не-свободы земли, выраженной в юридическом правиле «*nulle terre sans seigneur*»», так и во имя «нового принципа» — «неравномерности ее

¹ Там же, стр. 116.

² К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 720.

распределения между трудящейся массой», — неравномерности, «возведенной в экономический догмат»¹.

Представителей первого принципа, носителей консервативных начал аграрного устройства Кареев видел не только в короне, церкви и дворянстве, но и в той части буржуазии, которая стремилась «занять место сеньоров посредством покупки их земель или стать между ними и крестьянами, снимая огулом земли первых, чтобы переуступить их по частям последним»². В том значении, какое Кареев придавал этому, вопреки прочно установившейся во французской историографии либерально-буржуазной традиции, заключалась одна из важных черт его научного новаторства.

Представительницей второго принципа Кареев считал нарождавшуюся сельскую буржуазию, стремившуюся поставить на место мелкого хозяйства крестьян «более крупную фермерскую обработку земли посредством наемных рабочих»³.

«Те же два класса, феодальный и буржуазный, идут рука об руку в деле устранения тех ресурсов, которые доставляли массе общинные земли и общинные сервитуты», — писал Кареев, набрасывая картину «почти полного разложения общинного быта» во французской деревне конца XVIII в.⁴

Разложение это Кареев объяснял не только расхищением («сполиацией») общинных угодий сеньорами, но и тем, что «интересы сельского рабочего населения, которые во времена крепостного состояния были приблизительно одни и те же у всех, теперь начинают разделяться», что «соседи и фермеры тянут в одну сторону, батраки и половники — в другую». «Иногда дело доходило до открытой вражды, до жестокой войны между частью граждан неимущих против тех, у которых кое-что есть», — отмечал Кареев, ссылаясь, впрочем, уже на документы революционного времени⁵.

Все это вместе взятое и, в частности, отличающийся своим трезвым реализмом, чуждый специфически народнических предрассудков и утопизма подход Кареева к общине дает основание отнести его на рассматриваемом нами здесь этапе развития к представителям того буржуазного либерализма, более или менее последовательного и чистого от народничества, который, по указанию В. И. Ленина, еще представлял собой в России не раритет, а очень широкую струю 60-х и 70-х годов⁶.

Характеризуя положение французского крестьянства в XVIII в. в целом (этому посвящена в книге Кареева четвертая глава — «Состояние крестьян перед революцией») и формулируя свои общие выводы, автор утверждал, что крестьянам «на правах собственности, и то несвободной», принадлежала только незначительная часть территории. «Так как по не-

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 480.

² Там же, стр. 481.

³ Там же. Термин «кулаки» встречается в книге Кареева лишь один раз — применительно к деревенским скупщикам хлеба, «составлявшим несчастье народа» и бывшим «предметом ненависти во время беспорядков из-за дороговизны хлеба» (стр. 202—203).

⁴ Там же, стр. 147, 481.

⁵ Там же, стр. 73, 124—125, 130—131.

⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 9. — Характерно, что, по словам самого же Кареева, Лучицкий «под влиянием своего особого интереса к общинному землевладению» (навеянного, несомненно, народничеством) упрекал его, Кареева (совершенно, впрочем, незаслуженно), в том, будто он «недостаточно внимательно отнесся к общинным порядкам во французской деревне XVIII века» (Кареев. Памяти двух историков. *Анналы*, т. I, стр. 167).

значительности количества земли, приходящейся на долю крестьян, не все ею владеют или владеют в количестве, недостаточном для хозяйства, то большинству крестьян приходится работать на чужой земле в качестве полонников, фермеров, поденщиков,—на земле, уже обремененной разными рентами, и при условиях, столь невыгодных, что многие крестьяне уходят в города, переполненные и без того нищими, а земли, прежде пахавшиеся, приходят в запустение»,— констатировал Кареев¹.

«Типическим отношением французского крестьянина к почве было полонничество»,— со всей категоричностью подчеркивал Кареев, выделяя это курсивом и объясняя преобладание полонничества над фермерством «недостатком в капиталах, прилагавшихся к земледелию, краткосрочностью законной аренды, необеспеченностью улучшений, фискальным гнетом, феодальными поборами и пр. и пр.»²

На примере полонничества, состоянии которого оценивалось им как «плачевое»,³ Кареев наглядно демонстрировал тяжести двойного (и даже тройного) гнета, лежавшего на плечах крестьянина.

«Под словом полонничество мы разумеем отношение, при котором продукт делится пополам между собственником земли и арендатором,— читаем мы у Кареева.— Во Франции такое полонничество представляло из себя только исключение, так как в большинстве случаев земля имела, по крайней мере, двух собственников. Продукт... делился между землевладельцем и полонником только после вычета из него лежащих на земле рент»⁴.

Налоги платил «опять-таки полонник из своей части, хотя это и не было общим правилом».

Наконец, «целая половина» полонников «была в долгу у своих хозяев, ибо занимала хлеб до новой жатвы»⁵.

Не лучше были, по мнению Кареева, и условия, при которых приходилось обрабатывать землю крестьянину «собственнику», как при всех своих оговорках называл цензитария Кареев. Гнет налогов, ложившихся в особенности на «ротюрную» (непривилегированную) «собственность», и разные феодальные повинности ставили такого «поселянина-собственника в положение полонника по количеству продукта, выпадавшего на его долю»⁶.

С точки зрения Кареева, и «мелкое фермерство также не могло представить исключения из общего правила» и «ничем почти не отличалось от других видов пользования землей»⁷.

Сводя свои наблюдения воедино, Кареев приходил к заключению, что «земледельцу при всех этих налогах и поборах оставалось из получаемого им продукта очень мало». «Ему нужно произвести столько хлеба,— пояснял Кареев,— чтобы его хватило на уплату ренты за землю, увеличенной тем, что между ним и землевладельцем стоит крупный арендатор, или

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 482; ср. стр. 188—189.

² Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 190.— Этот вывод Кареева полностью совпадал с наблюдением Чернышевского, что «в тогдашней Франции... почти все пространство земли обрабатывалось по системе полонничества, изредка по системе фермерства» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 298; ср. там же, стр. 295; ср. там же, т. IV, 1948, стр. 426).

³ Там же, стр. 191.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 192.

⁶ Там же, стр. 192—193.

⁷ Там же, стр. 193.

тем, что сам землевладелец платит какую-нибудь феодальную повинность, или же тем и другим вместе; не говоря о десятине, отдаваемой духовенству, ему нужно еще уплатить всю массу государственных налогов...»¹.

При подобных условиях «понятно, в какой бедности находилось большинство крестьян». Наряду «с великим множеством крестьян», уже вынужденных жить поденным трудом, система налогов, феодальных прав, условий аренды приводила к тому, что и на долю мелкого «собственника», фермера, половника едва ли выпадало, по примерному подсчету Кареева, «что-нибудь больше обыкновенной рабочей платы». Доходы семьи бывали часто гораздо меньше того, что должны были стоить одежда и пища. «И в таком положении находилось большинство нации», — элегической нотой заканчивал Кареев свое рассмотрение известий о «крайней бедности крестьян»².

Результатом был «страшный упадок земледелия», которое «находилось, — по выражению Юнга, — в X веке», и «частое повторение голодных годов», что в свою очередь являлось, — справедливо настаивал Кареев, — «следствием именно плохого состояния земледелия, а никак не чего-либо другого»³.

Кареев подчеркивал, что все это приводило к «вырождению народа», засвидетельствованному данными того времени о «слабости, худобе и малорослости крестьян», о том, что «смертность между детьми была страшная», что средняя продолжительность жизни была очень коротка⁴.

В изображении Кареева, проникнутом несомненным сочувствием к народу, бедствия народных масс довершались тем, что голод и угрозу голода широко использовали «люди скорой наживы» — скупщики хлеба, с которыми «крестьянину поневоле приходилось делиться частью своего дохода»⁵. Скупая хлеб по дешевым ценам, деревенские кулаки «заставляли думать, что его нет, дабы поднять цену», даже тогда, когда хлеба было достаточно (это называлось «disette d'opinion») ⁶.

«Что в отдельных местностях делали мелкие assaigeurs (скупщики), то в целых провинциях совершали крупные спекулянты», — констатировал Кареев, касаясь, в частности, скандального случая с пресловутым «договором о голоде» («pacte de famine»), когда непосредственное окружение Людовика XV использовало в интересах спекуляции не только деньги короля, «но и королевское право позволяет и запрещать свободную торговлю хлебом»⁷.

«Когда такому громадному числу не хватало, что есть, оно, не имея возможности эмигрировать, должно было нищенствовать», — писал Кареев, переходя к изложению яркого цифрового материала о «страшном нищенстве, вынужденном бедностью, которая распространена в деревнях», и отмечая, что «в городах не лучше» и что «число нищих было самое большое в тех провинциях, которые считались наиболее плодородными»⁸.

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 194, 482.

² Там же, стр. 184, 204, 209, 211.

³ Там же, стр. 196, 200. «Главная причина, заставлявшая пустовать многие земли, заключалась в тяжести налогов» (там же, стр. 198).

⁴ Там же, стр. 206.

⁵ Там же, стр. 202.

⁶ Там же, стр. 202.

⁷ Там же, стр. 203—204.

⁸ Там же, стр. 211, 212.

Это был второй из тех двух основных моментов, на которые Энгельс обращал внимание Каутского, сделав в своем письме к нему большую выписку о «нищих» из книги Кареева ¹.

«Этот недостаток собственности, этот гнет налогов, эта дороговизна хлеба, эта, наконец, безработица, о которых можно собрать великое множество свидетельств, грозили Франции сильными потрясениями», — с необычной для историка господствующих классов прямою указывал Кареев, касаясь политических последствий массового обнищания французского народа в XVIII в. ²

Не ограничиваясь сказанным, Кареев выставлял тезис, шедший вразрез с традиционным изображением процесса развития французской буржуазной революции конца XVIII в.

Согласно общепринятой схеме дворянских и буржуазных историков, революция началась в верхах общества и лишь постепенно, спускаясь со ступеньки на ступеньку, превращалась из «революции привилегированных» в «революцию буржуазии», а из «революции буржуазии» — в «революцию народа».

Наперекор подобному подходу к революции, господствующему до сих пор в буржуазной историографии, Кареев в конце 70-х годов фактически доказывал, что в действительности революционный процесс был гораздо сложнее и что исходившие от народа «потрясения, которых так боялись, начались раньше того времени, когда там, наверху, в обществе произошли волнения иного рода» ³.

Подхватив зародившуюся в революционно-демократических кругах идею о том, что взрыв народного гнева, подобный разразившемуся в 1789 г. во Франции, подготавливается веками, Кареев подчеркивал, что рядом с «мирным протестом против ненормального положения вещей в деревне» — эмиграцией в города — на протяжении всего феодального средневековья «происходили протесты иного рода в форме беспорядков, бунтов, грабежей», как он выражался на так и не преодоленном им даже в то время жаргоне либерала. «Интересно было бы проследить историю этих народных протестов во Франции, так как в них сказывалась история самого народа», — заявлял Кареев ⁴.

Тот факт, что Кареев повторял и по-своему развивал на материале французской истории эту навеянную русской жизнью, историей русского народа, вековой борьбой русского крестьянства замечательную мысль великих русских революционных демократов, наглядно и убедительно показывает, на какой крен влево в теоретической области еще в 70-х годах способны были наиболее впечатлительные и отзывчивые в общественном отношении молодые представители левого крыла тогдашнего русского либерализма в обстановке мощного и высокого демократического подъема, в условиях еще лишь зачаточных форм рабочего движения.

Подходя с таких необычных для буржуазной историографии позиций к истории французского народа, начиная со средних веков, Кареев касался в общей форме последовательных этапов, пройденных в своем развитии народными движениями во Франции, завершившимися в конце XVIII в. революцией.

Начало этих движений Кареев относил к X в., объясняя их в основном на первом этапе их развития, «особенно же в XIV веке, когда происходила знаменитая жакерия», «сеньориальными притеснениями».

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 409—411.

² Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 213.

³ Там же, стр. 213—214.

⁴ Там же, стр. 215.

Наступление нового этапа Кареев связывал с тем, что по мере падения власти феодальных сеньоров и усиленного роста налогов «изменялся и характер бунтов». В этом аспекте царствование «короля-солнца», блестящий «век Людовика XIV» официальной французской академической историографии, выступает у Кареева как «эпоха целого ряда беспорядков, вызванных возрастанием налогов»¹.

«XVIII век является со своей особенной причиной — голодом», — заключал Кареев свой краткий, но интересный обзор. «Положительно не будет преувеличенным сказать, — добавлял он, — что чуть не на каждый год прошлого века приходится по одному такому бунту, а иногда, пожалуй, и более, не считая мелких случаев грабежа хлебных складов, обозов и т. п.: так часты известия о troubles à cause des grains (хлебных беспорядках), как тогда выражались»².

На одном из известных примеров подобных восстаний, на «наиболее рельефном» из них — по его определению, на примере «мучной войны» («guerre de farines»), вспыхнувшей во время министерства Тюрго, Кареев показал всю неудовлетворительность ходячих представлений о причинах народных движений, всю неосведомленность историков в этом отношении.

Правильно нащупав ахиллесову пяту представителей господствующих классов в их подходе к народным движениям, Кареев справедливо упрекал современников «мучной войны» и ее историков в том, что они сводили все к «внешнему подстрекательству», к «заговору», к «агитаторству».

В противовес этому Кареев справедливо находил, что «мучная война получает очень естественное объяснение», будучи поставлена в контекст «со множеством других подобных беспорядков, которые не обращали на себя такого внимания, как по сравнительной незначительности размеров, так и потому, что не были связаны с «вопросами дня», волновавшими образованное общество», как это было с «мучной войной», совпавшей со «знаменитым спором Тюрго и Неккера и сторонников обоих о свободе хлебной торговли».

«Если бы не было действительной причины, народ не пошел бы за агитаторами», — таким простым и, казалось бы, естественным соображением, которое оказывается, однако, на деле не по плечу подавляющему большинству историков господствующих классов, заключал Кареев свой курс, посвященный «мучной войне»³.

Сопоставьте с этим замечанием Кареева и его подходом к народным движениям вообще сочувственную в целом позицию, занятую в годы первой революционной ситуации либералом предшествующего поколения Чичериным по отношению к Даресту с его тезисом о «мимолетности» и «неосновательности» крестьянских восстаний в старой, феодальной Франции⁴.

Это позволяет увидеть воочию, как глубоко под напором демократического движения, под ударами революционно-демократической критики, под воздействием уже довольно широко проникавших в Россию идей марксизма пришлось отступить ко времени второй революционной ситуации той части русских либералов нового пополнения, которая дорожила своими связями с передовыми кругами, с демократической общественностью России, боялась утратить их окончательно и продолжала упорную борьбу

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 215.

² Там же, стр. 215—217.

³ Там же, стр. 215 и прим. 30 к ней.

⁴ Ср. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 664.

за влияние на все более разночинскую по своему составу, все более демократическую, все более революционно настроенную молодежь.

Таков — независимо от субъективных мотивов и иллюзий автора — общественно-исторический смысл наиболее сильных сторон первой и единственной в своем роде книги Кареева, таковы в конечном счете источники ее сильных сторон, которые обеспечивают ей видное и почетное место в развитии мировой исторической науки.

Эти особенности книги Кареева не только закрепили за русской наукой бесспорный приоритет в конкретном изучении крестьянского вопроса в период французской буржуазной революции конца XVIII в., но и обусловили такую его постановку, по сравнению с которой дальнейшее развитие буржуазной историографии в этой области представляло собой в принципиальном отношении шаг назад, хотя и сопровождалось выявлением, накоплением и систематизацией огромного и подчас очень ценного свежего материала.

Кареев был не только первым, кто взялся в России за глубокое, самостоятельное изучение крупнейшей из буржуазных революций Запада, — в России, которая была уже в конце 70-х годов ближе к революции, чем какая-либо другая европейская страна; Кареев не только вообще впервые в исторической литературе приступил к серьезному изучению аграрного, крестьянского вопроса во французской буржуазной революции конца XVIII в.; но занявшись французской революцией и специально крестьянским вопросом в этой революции, Кареев выступил, как мы видели, против в корне извращавшего историческую действительность тормозившего развитие науки, реакционнейшего по сути дела утверждения Токвиля, будто типичной фигурой дореволюционной французской деревни был уже крестьянин-собственник.

Этим в первую очередь и определяется тот вклад, который сделал Кареев в конце 70-х годов XIX в. в русскую и мировую историческую науку.

Сильным сторонам исследования Кареевым крестьянского вопроса в период французской буржуазной революции противостояли, однако, слабые стороны общей постановки им проблемы самой революции, обусловленные его либеральной ограниченностью, его антиреволюционными настроениями либерала.

Данный Кареевым глубокий и острый анализ классовых противоречий дореволюционной Франции и, в частности, французской деревни вплотную подводил его к выводу, что разразившаяся здесь в XVIII в. народная революция была исторически неизбежна, что при подобных условиях революция неизбежна вообще.

Этого вывода Кареев, однако, не делал, стремясь, вслед за другими русскими либералами, вслед за своим учителем Герье, всячески ограничить идею исторической закономерности революции, что попрежнему противопоставало в его лице либеральную историческую традицию революционно-демократической, у которой Кареев так много позаимствовал.

Исходя из того, будто 4 августа 1789 г. имело для Франции такое же значение, как 19 февраля 1861 г. для России, Кареев все еще склонен был, подобно Соловьеву и его ученикам, противопоставлять «реформе», совершенной во Франции снизу, реформу, произведенную у нас сверху, революционному французскому пути — неревolutionный русский путь¹.

Наиболее явственно эта либеральная ограниченность Кареева, выступавшая на фоне двойственности и противоречивости его политического и научного мировоззрения, проявилась в третьей главе его книги — «Государственная власть и крестьяне».

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 478; ср. *Анналы*, т. I, стр. 68.

С одной стороны, Кареев очень реалистически подходил к тому, что «выросшая из феодальных отношений королевская власть Бурбонов продолжала носить на себе следы своего происхождения», что «благодаря феодальному характеру королевской власти, государство не освободило окончательно массы от феодальной зависимости и оставило за дворянами и духовенством тягостные для народа привилегии», что «отношение государства к массе народа было таково, что хуже быть не могло»¹.

А с другой стороны, Кареев подчеркивал, что «смотреть на королевскую власть, как на гарантию злоупотреблений, как на орудие в руках привилегированных, слишком односторонне», что «это значило бы патологические симптомы принять за нормальное отправление организма», что «виноваты» во всем «не солидарность правительства с привилегированными и не употребление им произвольных мер, а то, как понимались требования государства».

«Понимались же они просто», расшифровывал это Кареев, ссылаясь на политическое завещание Ришелье, согласно которому «народ должен быть содержим в покорности», а «подати служат к тому, чтобы *ему не было слишком хорошо*, чтобы он не перешел границы своих обязанностей»².

Не будь такого упрощенного понимания требований государства, не будь таких «патологических симптомов» «отправления государственного организма», революция, это «болезненное» якобы напряжение, как говорил Соловьев, «болезненное» якобы отклонение от «нормы», не была бы неизбежна, — таков типично либеральный вывод Кареева, который непосредственно вытекал из всего его искусственного построения и был непосредственно направлен против того, что Кареев называл «догматической верой в революцию».

Становясь на подобную точку зрения, Кареев подчинял всю свою острую критику социальных основ феодализма, навеянную русской революционно-демократической социально-политической и исторической традицией и отличавшую его в то время от его либеральных предшественников, традиционной политической и исторической схеме тех же русских либералов старшего поколения, корифеев государственной исторической школы, схеме Кавелина, Соловьева, Чичерина, Герье.

«Патологические симптомы» «отправления государственного организма», благодаря которым революция только и стала, с его точки зрения, неизбежной, Кареев видел в том, что едва только «короли сломили политическую силу феодалов... как королевская власть как бы *остановилась* (курсив мой.— Б. В.) в своей борьбе с феодализмом», оставив его «нетронутым» в социальном отношении³.

Утверждая это, Кареев лишь повторял то, что писал его учитель Герье в своей напечатанной в 1877 г. первой статье о революции — «Республика или монархия установится во Франции?». Ведь и Герье упрекал здесь французскую монархию в том, что она оказалась бессильной выполнить свою историческую задачу и довести до конца начатое ею дело политического объединения страны, «*остановилась* (курсив Герье.— Б. В.) в своей исторической жизни», как бы «устала» в своей борьбе с феодализмом в области государственной жизни и превратилась не в «просветительный деспотизм», а в вялое послабление привилегированным⁴.

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 157, 484.

² Там же, стр. 159.

³ Там же, стр. 151, 152.

⁴ Сборник государственных знаний под ред. В. П. Безобразова, т. III, 1887, стр. 166. Включив эту статью в 1904 г. в свой сборник статей «Идея народовластия и Фран-

Следовал по стопам учителя Кареев и тогда, когда на основе пятой главы своей диссертации («Постановка крестьянского вопроса») приходил к неожиданному выводу из своего анализа острых классовых противоречий во Франции накануне революции, будто дело было лишь в том, что «теоретически вопрос не был подготовлен, когда пришлось приступить к его практическому решению»¹.

И это было по существу лишь вариацией тезиса Герье о политической «незрелости» и «неразвитости» французского общества в конце XVIII в. как одной из главных причин, помешавших ему предотвратить революцию. Тезис этот Герье положил позднее, в 80-х годах, в основу своей работы «Понятия о власти и о народе в наказах 1789 г.» (1884 г.), но, несомненно, внушал его уже и в 70-х годах своим ученикам.

Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, как Кареев, отходивший в ряде отношений от установившейся до него либеральной исторической традиции и уделявший, в частности, гораздо большее внимание социальным отношениям и классовым противоречиям, попадал в конце концов в старую либеральную колею в своем подходе к вопросу о неизбежности революции, в своем отрицании этой неизбежности.

Признавая в силу исповедуемого им «конституционализма» и «социального реформаторства» необходимость «коренных» не только политических, но и социальных «преобразований» во Франции XVIII в., Кареев обвинял французскую монархию и привилегированные классы (включая и буржуазию) в том, что они ограничились паллиативами, нерешительными и робкими попытками провести реформу сверху, сделав тем самым неизбежной «реформу, совершенную снизу»,— революцию².

Таковы слабые стороны книги Кареева.

В 70-х годах, в обстановке демократического подъема сильные стороны исторического подхода Кареева еще явно преобладали над его слабыми сторонами.

Начиная с годов реакции, с «плохих (80-х) годов», по выражению В. И. Ленина³, соотношение это стало быстро изменяться в противоположную сторону.

цузская революция 1789 года», Герье прибег уже к термину «просветительный абсолютизм», (стр. 70).

¹ Кареев. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века, стр. 488.

² Там же, стр. 476.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 8.

Тематически связанные материалы - в разделах нашей библиотеки
“Великая французская революция: отклики и влияния”
“Историки и историография”